
УДК 81'1
ББК 81.001.3
Г 51

Гишев Н.Т.

Доктор филологических наук, заведующий отделом языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, e-mail: anzor/56@mail.ru

О соотношении языка и мышления *(Рецензирована)*

Аннотация:

Анализируются разные точки зрения по толкованию взаимоотношения понятий языка и мышления, при рассмотрении которых необходим дифференцированный подход, так как существуют разные формы мышления и соответствующие им разные типы языков. Проводится сопоставление языков эргативного строя с номинативным. Отмечается, что типологически различные языки не могут существовать без различий в мышлении их носителей. Поэтому мышление и язык не существуют оторванно друг от друга, и без различия языкового мышления не могли существовать и различия самих языков.

Ключевые слова:

Язык, мышление, взаимосвязь, речь, идиоэтническое мышление, образ мысли народа, типологические различия языков, общность языков.

Gishev N.T.

Doctor of Philology, Head of Language Department, Adyghean Republican Institute of Humanitarian Researches; e-mail anzor/56@mail.ru

On the correlation of the language and thinking

Abstract:

An analysis is made of the different points of view on interpretation of relationship between the concepts of the language and thinking. This paper shows that it is necessary to use the differentiated approach to study this question since there are different forms of thinking and different types of languages corresponding to them. Comparison of languages of an ergative system with nominative is carried out. It is noted that typologically various languages cannot exist without distinctions in thinking of their carriers. Therefore the thinking and language do not exist separately from each other, and language distinctions cannot exist without distinction of language thinking.

Keywords:

Language, thinking, interrelation, speech, idioethnic thinking, people views, typological distinctions of languages, communities of languages.

Человеческий язык – это необычное явление, представляющее собой сплав мышления и речи и созданное природой, гением человеческого общества в процессе совместной трудовой деятельности. Человечество пока не знает другого *изобретения*, которое можно было бы сравнить с языком. По мнению Я. Гримма, «подоб-

но природе, язык умеет обойтись незначительными средствами и поразить своим богатством, так как он бережлив без скудости и исключительно щедр без расточительства» [1: 56-57]. И это «изобретение», по сути дела, является человеческим приобретением, а не врожденным явлением. «Возникнув непосредственно из человеческого мышления, приравливаясь к нему, идя с ним в ногу, – как указывал Я. Гримм, – язык стал общим достоянием и наследием всех людей... и на которое все они имеют равное право...» [1: 64]. Прав был В. Гумбольдт, когда писал: «Язык и духовные силы функционируют не раздельно друг от друга и не последовательно один вслед за другим, но составляют нераздельную деятельность разума» [1: 71].

Любой человеческий язык обслуживает общество, народ, социальные группы, а также различные идеологические направления. В связи с отношением языка к идеологии и общению между людьми необходимо остановиться на некоторых вопросах взаимоотношения языка и мышления. Здесь должен быть дифференцированный подход, так как существуют разные формы мышления и соответствующие им разные типы языков.

Способность мыслить заложена в самой природе человека. Поэтому мышление – такая же реальность, как само существование человека. Без мышления нет человека. Таким же образом нет человека без языка, ибо «язык есть мышление, выраженное звуками» (А. Шлейхер) [1: 92]. Человек мыслит, мыслит он образами, являющимися отражением предметов и явлений действительности. Способность мыслить приводит его к говорению и общению с себе подобными. Природная способность человека говорить – сущностное свойство его бытия, первичное данное, само же говорение – это проявление природной способности человека. Общечеловеческое мышление, связанное с говорением, можно было бы назвать мышлением универсальными понятиями. Ему со-

ответствовала бы лингвистика универсалий. Когда речь идет о соотношении языка и мышления, то следует иметь в виду соотношение понятий «частная лингвистика» и «идиоэтническое мышление». Языковому мышлению данного конкретного этноса, идиоэтническому мышлению соответствует конкретная лингвистика. Чем больше удалены друг от друга разные идиоэтнические мышления, тем больше удалены и соотносительные языковые структуры. Структурную близость эргативного баскского языка к кавказским можно объяснить лишь общностью идиоэтнического мышления носителей этих языков, удаленность же структур номинативного русского языка и эргативных кавказских языков – удаленностью идиоэтнического мышления. Не могут существовать структурные различия языков без соответствующих различий в мышлении их носителей. Единому языковому мышлению может соответствовать только единый язык.

В языкознании постановка проблемы языка и мышления восходит к основоположнику общего языкознания и философии языка В. Гумбольдту. Его идеи и воззрения впоследствии стали именоваться «гумбольдтианством», а взгляды его последователей – «неогумбольдтианством». Критическому осмыслению «гумбольдтианства» в языкознании уделено довольно значительное место (Рашишвили Г.В., Ермолаева Л.С., Гухман М.М., Звегинцев В.А., Брутян Г.А., Чесноков П.В., Панфилов В.З. и др). Нередко в этом осмыслении, к сожалению, безудержной критике подвергается все, бесспорное превращается в спорное, аксиома – в проблему. В этом отношении можно привести несколько характерных моментов из статьи Л.С. Ермолаевой «Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании» [2]. Л.С. Ермолаева пишет: «Как известно, Гумбольдт делил языки на «совершенные» и «несовершенные», распространяя данную характеристику на мышление

соответствующих народов. При этом Гумбольдт последовательно исходил из классификации языков на изолирующие, агглютинирующие, флектирующие и полисинтетические» [2: 58]. Такую точку зрения Гумбольдта Л.С. Ермолаева характеризует как реакционную, хотя известно, что понятия «наиболее развитые языки» и «наименее развитые языки», которые в принципе легко соотносимы с гумбольдтовскими «совершенными» и «несовершенными» языками, встречаются и у К. Маркса: «...хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.12, с. 711). Начиная с М.В. Ломоносова, немало представителей русской науки и культуры высказалось о совершенстве, красоте и превосходстве русского языка. В. Гумбольдт обвиняется Л.С. Ермолаевой не только в реакционности взглядов. Она попутно утверждает, что Гумбольдт отождествлял язык и мышление. Насколько нам известно, Гумбольдт вовсе не отождествлял умственную жизнь человека и звуки его речи, мышление и язык, а подчеркивал их неразрывную связь. Это подтверждается такими мыслями В. Гумбольдта: «Неразрывная связь мышления, органов речи и слуха с языком обуславливается первичным и необъяснимым в своей сущности устройством человеческой природы»; «Язык есть обязательная предпосылка мышления...»; «Звуковая форма есть выражение, которое язык создает для мышления» и др. [1].

В историческом плане предлагаемое В. Гумбольдтом соотношение языка и мышления едва ли можно считать безупречным. Но независимо от ошибочности или правильности многих мыслей В. Гумбольдта о соотношении языка и мышления было бы несправедливо упрекать автора в отождествлении этих понятий.

Л.С. Ермолаева считает, что конструктивные типы предложения не име-

ют никакой связи с национальными особенностями мышления, т.е. конструктивные типы предложения, скажем, языков эргативного строя ничем не отличаются от конструктивных типов предложения языков номинативного строя, а если и отличаются, то эти отличия совершенно не связаны с особенностями мышления их носителей, признание же национальных особенностей мышления было бы грубейшей ошибкой, непониманием процесса развития мышления; следовательно, не существует ни национального мышления, ни национальной психологии, ни национального сознания. Как, однако, согласовать с таким мнением Л.С. Ермолаевой известное эмоциональное, но верное высказывание С.Д. Кацнельсона: «Вышколенному в нормах традиционной грамматики уму эргативный строй представляется чудовищным извращением всех грамматических канонов» [3: 71]. Могут ли существовать «чудовищные отличия грамматических канонов» без соответствующих отличий в мышлениях, языковые отличия сами по себе, отличия в мышлениях – сами по себе? В этом отношении определенный интерес представляют взгляды П.К. Услара и К.Д. Ушинского. П.К. Услар писал: «Индивидуальность народа обуславливается особенностью его языка и особенностью его склада понятий, его цивилизации» [4: 2]. Он также высказывал такую мысль: «Сколько бы языкам мы ни выучились, ни один не запечатлеется в целом духовном мире нашем так глубоко, как язык *родной*, – язык, которым непосредственно выражается своеобразный склад наших понятий. Это относится до всех народов и до всех языков в мире» [4: 17].

Каждый народ индивидуален, его индивидуальность обуславливается особенностью языка и его понятий, так как язык непосредственно выражает своеобразный склад наших понятий – в этих мыслях П.К. Услара заложено четкое понимание основной сущности проблемы связи языка и мышления с духовным миром человека.

Наиболее полная характеристика связи языка и мышления и их национальных особенностей дана К.Д. Ушинским: «Принимая язык за органическое создание народной мысли и чувства, в котором выражаются результаты духовной жизни народа, мы, конечно, пойдем, почему в языке каждого народа выражается особенный характер, почему язык является лучшей характеристикой народа» [5: 112]. В этой связи можно было бы сослаться и на В.Г. Белинского, который, отвечая на вопрос «в чем же состоит эта самобытность каждого народа?» первым среди признаков такой самобытности назвал «особенный, одному ему принадлежащий образ мыслей» [6: 12].

Мышление и язык так же первичны, как и их носитель – человек. Казуистически рассматривая их сущность как отражение реального мира, иные антигумбольдтовцы не хотят признать, что мышление и язык не только отражают в себе действительную жизнь, но сами являются частью этой же действительности, ее древнейшими проявлениями. Язык является не только хранилищем богатейшего опыта людей и орудием их общения между собой, но также орудием самовыражения человека.

Язык и мышление развиваются в тесном взаимодействии. Развитие и обогащение одного из них влечет за собой развитие и обогащение другого. Поэтому познание сущности языка тесно связано с познанием мышления народа.

Поскольку слова без значений не бывает, человек, употребляя слова и выражения, пользуется их значениями, комбинирует их в процессе общения, в результате чего постепенно вырабатывается определенное и конкретное языковое мышление. В зависимости от уклада жизни, окружающей среды, психологии, нравов и обычаев у каждого народа существуют свои понятия. Эти понятия и определяют объем значений, характерных для данного конкретного языкового мышления. Эти же понятия определяют и ха-

рактер использования конкретных значений. Не проникая в глубину формирования и использования конкретных значений, в глубину идиоэтнического мышления, невозможно представить себе подлинную природу грамматических явлений, их своеобразие.

Иногда отрицание различий в мышлении носителей современных разноструктурных языков обосновывается предполагаемой общностью этих языков на первоначальной стадии развития человеческого рода, наличием общечеловеческого праязыка. Тем самым фактически отрицается не только связь языка и мышления в процессе их исторического развития, но и само их изменение. Говоря словами В.З. Панфилова, «наличие типологических различий между языками не исключает существенной общности этих языков, позволяющей рассматривать различные конкретные языки как представителей одного рода – человеческого языка». Исходя из такого положения вещей, многие типологические различия, скажем русского и адыгейского языков, могут быть представлены как результат различной реализации универсалий, свойственных слову и предложению этих языков.

Критикуя гумбольдтовскую идею влияния языка на мышление, в качестве ее антитезы можно выдвинуть гумбольдтовское же положение, согласно которому «каждая мысль может быть выражена в любом языке». При этом «возможность выражения в любом языке каждой мысли» трактуется расширительно, включая (в формы перевода) не только идею эквивалентности соотносительных структурных элементов, но и описательные формы и различные комбинации языковых средств. В результате такого учета широких возможностей перевода мысли с одного языка на другой элиминируется идея различия сопоставляемых языковых структур, их лексических и грамматических своеобразий. Прав В.А. Звегинцев, когда пишет о том, что «различия составляют незна-

чительную долю в сравнении с тем, что у людей нашего земного мира является общим. Именно поэтому в их языках фиксируется огромное количество общих понятий, хотя и разными языковыми способами» [1]. Здесь все сведено к общим понятиям, к общему мышлению. Но разве проблема различия лингвистически детерминированных мышлений может быть снята на основании того, скажем, что люди одинаково мыслят о мире и дружбе, о материальном благополучии и здоровье? Имея в виду подобные понятия, действительно можно сказать, что люди мыслят об одном и том же. Однако, даже имея в виду всеобщие понятия субстанции, времени и пространства, в лингвистическом плане речь следовало бы вести о различиях языковых микросистем, их реализации и связанных с ними особенностях идиоэтнического мышления. Не приходится сомневаться в том, что в каждом языке представлены свои системы передачи понятий, связанных с общими категориями субстанции, времени и пространства – системы языка и мышления. Поэтому, когда лингвист говорит о взаимоотношениях языка и мышления, должны иметься в виду, очевидно, не общие элементы социального, бытового (практического) или даже понятийного мышления, а конкретные элементы лингвистики детерминированного мышления, обусловленного конкретным лексическим и грамматическим своеобразием языка.

В плане отрицания различий в идиоэтническом мышлении носителей типологически разнотипных языков характерны некоторые утверждения и польского теоретика Е. Куриловича. По его мнению, различие между номинативным и эргативным строем является не ка-

чественным, а количественным, стилистическим. Использование же нормально-го и стилистически подчеркнутого залога (*Женщина варит мясо – Мясо варится женщиной*) зависит от индивида, воспитания, стиля и т.д. В обоих строях – номинативном и эргативном – имеется возможность использования обоих залогов. По его мнению, эти два строя не отражают двух разных мышлений.

Нас в данном случае интересует взаимоотношение языка и мышления, вопрос о том, отличается ли мышление носителей языков эргативного строя от мышления носителей языков номинативного строя или же не отличается? Отвечая на этот вопрос, следует сказать, что для нас нет никакого сомнения в ошибочности мнения о едином мышлении носителей языков разных структур. Полагаем, что это ошибочное мнение вызвано отсутствием ясного представления о различии общепонятийного и идиоэтнического мышления, о характере соотношения языка и мышления, о том, с каким мышлением соотносится язык. Противоположный вывод основывается на неверном представлении о структурных особенностях языковых фактов. Мышление носителей языков эргативного строя отличается от мышления языков номинативного строя так же, как язык эргативного строя отличается от языка номинативного строя. Без такого различия языкового мышления не могли быть и различия самих языков эргативного и номинативного строя. Поэтому мышление и язык не существуют оторванно друг от друга, они родились вместе с человеком, вместе с обществом, для которого они служат орудием мышления и средством общения [4].

Примечания:

1. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960. 405 с.
2. Ермолаева Л.С. Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании // Проблемы общего и частного языкознания. М.: Изд-во ВПШ и АОН

при ЦК КПСС, 1960. С. 47-85.

3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М., 1972. 216 с.
4. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. (Мы пользуемся по переизданию: М., 1992. Раздел IV. Горская летопись. С. 1-30).
5. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. Т. 2. М.: Педагогика, 1988. 543 с.
6. Белинский В.Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. 671 с.
7. Джандар Б.М. Сопоставительно-типологическая характеристика синтаксического строя русского, адыгейского и английского языков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 2. С. 216-222.

References:

1. Zvegintsev V.A. History of linguistics of the XIX and XX centuries in sketches and extracts. Part I. M., 1960. 405 pp.
2. Yermolaeva L.S. Neo-Humboldtian trend in modern bourgeois linguistics // Problems of general and special linguistics. M.: VPSH and AON publishing house under the CC of the CPSU, 1960. P. 47-85.
3. Katsnelson S.D. Typology of language and thinking-in-words. M., 1972. 216 pp.
4. Uslar P.K. On the development of mountain dwellers' literacy // Collection of data on the Caucasian mountain dwellers. Tiflis, 1870. Iss. III. (We use the republication: M., 1992. Part IV. Mountain chronicle. P. 1-30).
5. Ushinsky K.D. Pedagogical works. V. 2 . M.: Pedagogika, 1988. 543 pp.
6. Belinsky V.G. Selected works. M.; L. 1948 . 671 pp.
7. Dzhandar B.M. Comparative and typological characteristic of a syntactic system of the Russian, Adyghe and English languages // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Iss. 2 . P. 216-222.